

INSPIRIA

Читайте книгу –
смотрите сериал
от Passionflix

18+

СИЛЬВЕЙН РЕЙНАРД

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ВОЗНЕСЕНИЕ ГАБРИЕЛЯ

INSPIRIA

Passion. Инферно Габриеля

Сильвейн Рейнард
Вознесение Габриеля

«ЭКСМО»

2012

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Рейнард С.

Вознесение Габриеля / С. Рейнард — «Эксмо», 2012 — (Passion. Инферно Габриеля)

ISBN 978-5-04-115407-3

Что есть обольщение? Что есть грех? Что есть запретная любовь и что есть искупление? Сильвейн Рейнард – автор бестселлеров NEW YORK TIMES, создавший чувственную трилогию о спасении одного мужчины и пробуждении одной женщины. История профессора Габриеля Эмерсона и его возлюбленной Джулии разобьет ваше сердце. Мосты сожжены. Выбор сделан. Профессор Габриель Эмерсон и его бывшая студентка Джулия Митчелл наслаждаются обществом друг друга под жарким итальянским солнцем. Чувства раскалены до предела, и влюбленным совсем не хочется возвращаться к обычной жизни. Но все прекрасное рано или поздно заканчивается. Габриель и Джулия столкнутся с жесткими правилами университета. К тому же им предстоит нелегкая встреча с бывшей возлюбленной профессора. Настоящая любовь способна пережить любые испытания. На что ты готов пойти ради своей Беатриче, Габриель? «Ничуть не хуже первой части. Блестящий почерк». Goodreads

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-115407-3

© Рейнард С., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сильвейн Рейnard

Вознесение Габриеля

© Иванов И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

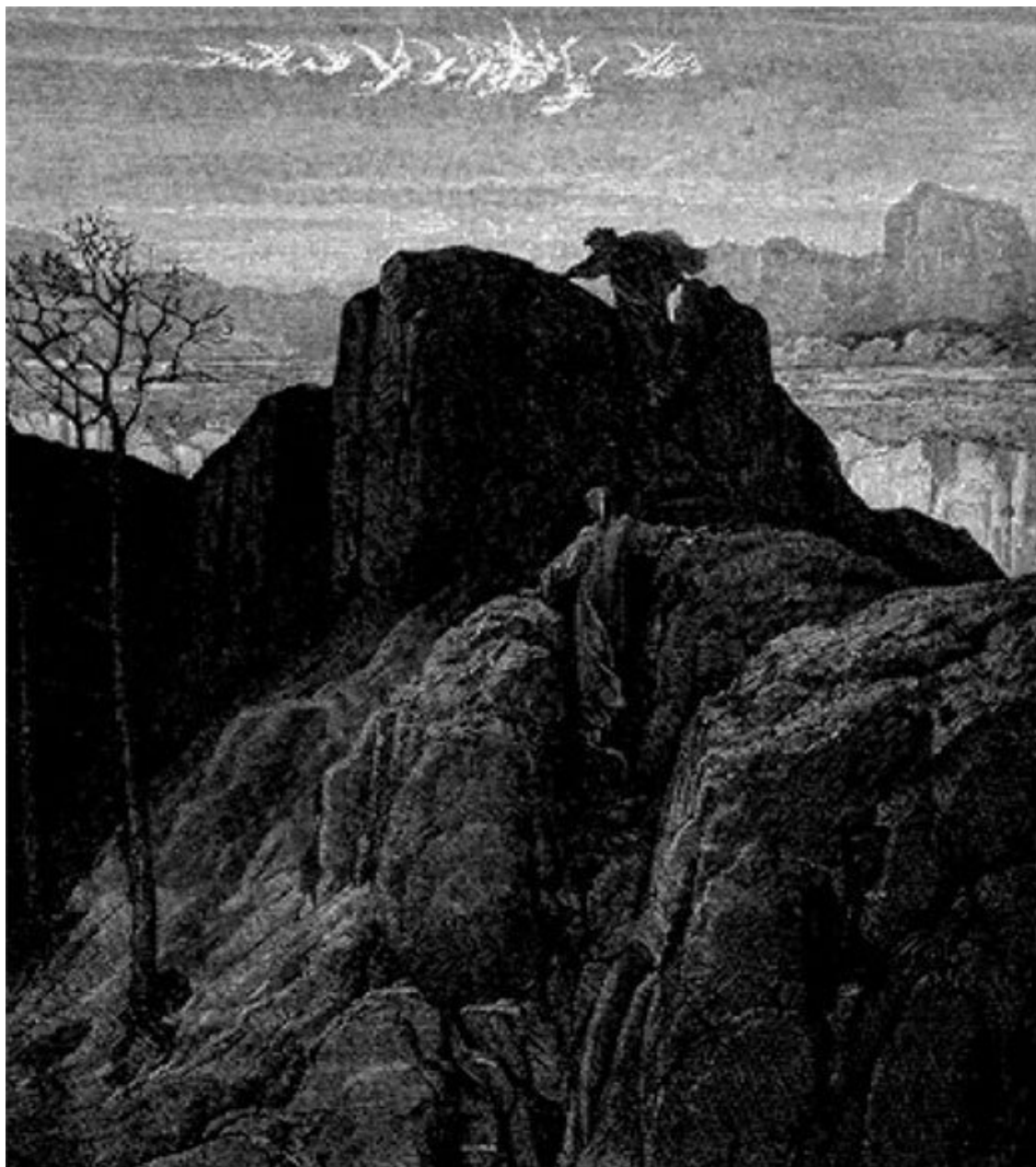
* * *

Моим читателям, с благодарностью

*И я второе царство воспою,
Где души обретают очищенье
И к вечному восходят бытию.*

*Данте Алигьери Божественная комедия,
Чистилище. Песнь 1, стихи 4–6¹*

¹ Перевод М. Лозинского. Данте А. Собр. соч. М.: Правда, 1982. – Здесь и далее примечания переводчика.

*Данте вслед за Вергилием взбирается на гору.
Гравюра Гюстава Доре. 1870 г.*

Пролог

Флоренция, 1290 год

Дрожащая рука поэта выронила записку, и та упала на пол. Некоторое время он сидел неподвижно, подобный статуе. Затем, крепко стиснув зубы, встал и лихорадочно поспешил прочь, задевая попадавшиеся на пути столы, ломая хрупкие предметы и не желая замечать своих домашних.

Был только один человек, которого он хотел сейчас видеть.

Он быстро шел, почти бежал, по городским улицам к реке. Там он встал в конце моста, их моста. Его влажные глаза пристально вглядывались в каждый уголок берега, тщаься хотя бы на кратчайший миг увидеть облик своей возлюбленной.

Но ее нигде не было.

Она никогда уже не вернется.

Его возлюбленная Беатриче ушла навсегда.

Глава 1

Профессор Габриель Эмерсон совершенно голым сидел на кровати и читал флорентийскую газету «Ла национе». В отеле «Гэллери хотел арт» он остановился в роскошном номере-пентхаусе со звучным названием «Палаццо Веккьо». Габриель проснулся рано и заказал завтрак в номер, однако не смог побороть искушение и вернулся в постель, чтобы полюбоваться на спящую молодую женщину. Она лежала лицом к нему. Ее дыхание было почти бесшумным. В ухе сверкала бриллиантовая сережка. Ее щеки порозовели, поскольку в номере было тепло. Кровать буквально купалась в солнечном свете, льющемся из громадных, от пола до потолка, окон.

Одеяло и простыни были живописно смяты. Они пахли сексом и сандаловым деревом. Синие глаза Габриеля сверкали, неспешно путешествуя по коже спящей и ее длинным темным волосам. Налюбовавшись, он продолжил чтение, но тут женщина слегка шевельнулась и застонала. Обеспокоенный Габриель сразу же отбросил газету.

Женщина свернулась калачиком, подтянув колени к груди. Ее губы что-то тихо шептали. Габриель наклонился к ней, чтобы расслышать произносимые слова, но ему это не удалось.

И вдруг по телу женщины пробежала судорога, сопровождаемая душераздирающим криком. Ее руки лихорадочно заметались, отбрасывая простыни.

– Джулианна?! – Габриель нежно коснулся ее обнаженного плеча, но женщина сжалась и отпрянула.

Она принялась повторять его имя, и с каждым разом страх в ее голосе становился все ошутимее.

– Джулия, я здесь, – громко сказал Габриель, снова протягивая к ней руку.

Джулия резко села на постели, глотая ртом воздух.

– Как ты себя чувствуешь? – Габриель подвинулся ближе, борясь с желанием коснуться ее. Она натужно дышала. Габриель продолжал за ней следить. Дрожащей рукой Джулия прикрыла глаза. – Джулия?!

Прошла долгая, мучительная минута, прежде чем она взглянула на Габриеля. Ее глаза были широко распахнуты.

– Что случилось? – хмурясь, спросил Габриель.

Джулия прокашлялась.

– Кошмарный сон.

– Что тебе снилось?

– Мне снилось, что я снова в Селинсгроуве, в лесу за домом твоих родителей.

Габриель нахмурил брови, скрытые стеклами очков в черной оправе.

– И с чего тебе это приснилось?

Джулия молча вздохнула и до подбородка натянула простыню, прикрыв грудь. Широкая белая простыня целиком скрыла ее изящную фигуру и замерла, образовав вокруг Джулии подобие облаков. Габриелю она напомнила греческую статую.

– Джулианна, поговори со мной, – попросил он, нежно проводя пальцами по ее коже.

Она изогнулась, пытаясь отодвинуться, но пронзительно-синие глаза не отпускали ее.

– Сон так чудесно начался. Мы с тобой под звездами занимались любовью, а потом я заснула в твоих объятиях. А когда проснулась, тебя рядом не было.

– Значит, тебе снилось, что я занимался с тобой любовью и потом покинул тебя? – спросил он, холодностью интонации маскируя свое замешательство.

– Однажды я проснулась в яблоневом саду... без тебя, – с легким упреком напомнила она.

Пламя, бушевавшее у Габриеля в животе, мгновенно погасло. Он вспомнил события шестилетней давности: волшебный вечер, когда они впервые встретились. Тогда они просто разговаривали и обнимались. Наутро он проснулся и отошел, оставив девочку-подростка одну. Конечно же, ее тревога была вполне понятной, если не сказать достойной сожаления.

Один за другим он стал разгибать ее сжатые пальцы, безостановочно покрывая их поцелуями.

– Я люблю тебя, Беатриче. Я тебя не покину. Ты ведь это знаешь, правда?

– Мне было бы несравненно тяжелее снова тебя потерять.

Наморщив лоб, Габриель обнял Джулию за плечо, прижав ее щеку к своей груди. Мириады воспоминаний хлынули в его мозг, когда он подумал о том, что произошло между ними вчерашней ночью. Он впервые беспрепятственно смотрел на ее нагое тело и посвящал ее в тонкости любовного слияния. Джулия разделила с ним свою невинность, и Габриелю думалось, что он сделал ее счастливой. Несомненно, то была одна из лучших ночей в его жизни. Подумав об этом еще немного, он спросил:

– Ты сожалеешь о минувшей ночи?

– Нет. Я рада, что моим первым мужчиной стал ты. Я тебя хотела с того самого вечера.

Габриель коснулся ее щеки, ощущая под большим пальцем ее кожу.

– Я польщен тем, что стал твоим первым мужчиной. – Он наклонился и взглянул на нее застывшими глазами. – Но я хочу быть и твоим последним мужчиной.

Джулия улыбнулась и потянулась к нему губами, но обнять ее Габриелю помешал рингтон мобильного телефона. Спальня наполнилась звоном Биг-Бена.

– На звонок не отвечаю, – раздраженно прошептал Габриель. Он коснулся спины Джулии и нежным толчком заставил ее лечь.

Ее глаза скользнули поверх его плеча, на стол, где лежал айфон.

– А я думала, она больше не будет тебе звонить, – сказала Джулия.

– Я же не отвечаю на звонок, и потому он не имеет значения. – Габриель встал на колени между ее ног и приподнял простыню, обнажая ее тело. – В моей постели есть только ты и я.

Их тела начали сближаться. Джулия следила за его глазами.

Габриель наклонился, чтобы ее поцеловать, но она отвернулась.

– Я еще зубы не почистила.

– Мне все равно. – Габриель нагнулся к ее шее и стал целовать вздрагивающую жилку. Пульс Джулии учащался.

– И все-таки я хотела бы сначала почистить зубы.

Габриель оперся на локоть и запыхтел от досады:

– Не позволяй Полине разрушить то, что у нас есть.

– Не позволю, – произнесла Джулия.

Она попыталась выбраться из-под него, забрав с собою и простыню, однако Габриель схватился за край. Он смотрел на Джулию поверх очков, и его глаза озорно сверкали.

– Оставь простыню. Я поправлю постель, – сказал он.

Глаза Джулии бегали между белой тканью, зажатой у нее между пальцами, и лицом Габриеля. Он напоминал пантеру, приготовившуюся к прыжку. Затем взгляд Джулии переместился на пол, где высилась груда одежды. Туда ей было не добраться.

– В чем проблема? – поинтересовался Габриель, пряча улыбку.

Джулия покраснела и еще крепче ухватилась за простыню. Усмехнувшись, Габриель отпустил свой край и заключил ее в объятия.

– Тебе нечего стыдиться. Ты прекрасна. Будь моя воля, ты вообще ходила бы без одежды.

Он прижался губами к ее ушной раковине, осторожно потрогав маленькую бриллиантовую сережку. Габриель не сомневался: его приемная мать Грейс была бы счастлива, что ее

серьги перешли к Джулии. Наградив Джулию еще одним недолгим поцелуем, Габриель перевернулся и сел на край кровати.

Джулия поспешила в ванную, но Габриель все же сумел заметить ее соблазнительные ягодицы, когда она, войдя внутрь, сбросила простыню.

За чисткой зубов Джулия думала о произошедшем вчерашней ночью. Занятие любовью с Габриелем подарило ей весьма волнующие переживания, которые и сейчас еще откликались в ее сердце. Ничего удивительного, если принять во внимание историю их отношений. Джулия хотела его с тех самых пор, как семнадцатилетней девчонкой провела с ним целомудренную ночь в яблоневом саду. Но утром, когда она проснулась, его рядом не было. В своем похмелье, усугубленном наркотическим дурманом, Габриель забыл ее. Прошло долгих шесть лет, прежде чем они встретились снова, однако и тогда он ее не вспомнил.

Когда Джулия, придя на свой первый аспирантский семинар в Торонтском университете, вдруг увидела Габриеля, он был обаятелен, но холоден, как далекая звезда. В тот день ей не верилось, что она станет его возлюбленной. Ей не верилось, что высокомерный, капризный профессор способен ответить на ее чувства.

Тогда она еще многого не знала. Секс представлял собой определенную область знания, и сейчас Джулия намного острее, чем прежде, понимала, какой жгучей может быть сексуальная ревность. Всего лишь мысль о Габриеле, занимающемся с другой женщиной тем же, что было у них минувшей ночью, вызывала у Джулии боль в сердце.

Она понимала: прежние встречи Габриеля с женщинами отличались от того, что происходило между ними вчера. Это были плотские соития, совершаемые без любви и страсти. Но ведь он раздевал тех женщин, видел их нагими, а потом входил в их тело. Сколько их, побывав с ним в постели, жаждали продолжения? Полина явно жаждала. Отношения между этой женщиной и Габриелем сохранялись уже несколько лет с тех пор, как они зачали и затем потеряли ребенка.

Новое понимание секса, обретенное Джулией, изменило ее взгляды на прошлое Габриеля и сделало ее более сострадательной к нелегкому положению Полины. Но в то же время обострило желание оберегать их счастье, чтобы Габриель не достался ни Полине, ни любой другой женщине.

Ее счастье было таким незащищенным. Это чувство волной нахлынуло на нее, заставив схватиться за край раковины. Габриель любит ее. В этом Джулия не сомневалась. Но он был еще и джентльменом и никогда не показал бы ей, что их союз не приносит ему полного удовлетворения. А что сказать о ее собственном поведении? Она болтала, задавала вопросы в то время, когда, как ей казалось, большинство влюбленных и рта не раскрыли бы. Она почти ничего не сделала, чтобы доставить ему удовольствие, а когда попыталась, он ее остановил.

В мозгу зазвенели упрёки ее бывшего парня:

«Ты фригидна».

«Ты никчемная подстилка».

Джулия отвернулась от зеркала и задумалась. А если Габриель разочаруется в ней, что тогда? Призрак сексуального предательства поднял свою злобную голову, а вместе с ним и картины из прошлого: Саймон, которого она застала в постели со своей соседкой по комнате.

Джулия расправила плечи. Если она сумеет убедить Габриеля быть терпеливым и обучить ее, тогда она наверняка сможет доставлять ему удовольствие. Он любит ее. Он даст ей шанс. Она принадлежит ему, и это видно столь же ясно, как если бы он поставил ей клеймо со своим именем.

Вернувшись в спальню, Джулия увидела Габриеля сквозь открытую дверь, которая вела на террасу. Но по дороге ее внимание привлекла стоявшая на столе красивая ваза с ирисами. Все они были фиолетового цвета: от темных до более светлых оттенков. Другие мужчины подарили бы своей любимой красные розы на длинных стеблях, но только не Габриель.

Среди цветов белел конверт, из которого Джулия извлекла открытку.

Моя дражайшая Джулианна!
Спасибо тебе за твой безмерный подарок.
Единственная ценность, которая у меня есть, – это мое сердце.
Оно – твое.

Габриель

Джулия дважды перечитала открытку, чувствуя прилив любви и успокоения. Разочарованный или неудовлетворенный мужчина не написал бы ей таких слов. Похоже, тревоги Джулии принадлежали только ей. Габриель их не испытывал.

Габриель лежал на футоне, сняв очки и гордо подставив грудь солнцу. Глядя на его мускулистое тело, можно было подумать, что Джулию удостоил визитом сам Аполлон. Ощувив ее присутствие, Габриель открыл глаза и похлопал себя по колену. Джулия села, и Габриель обнял ее и принялся страстно целовать.

– Приветствую тебя, – пробормотал он, откидывая с ее лица прядь волос. – Что-то не так? – спросил он, вглядываясь в ее лицо.

– Все нормально. Спасибо за цветы. Они великолепны.

– Не стоит благодарности, – ответил Габриель, проводя губами по ее губам. – Но я вижу, ты чем-то обеспокоена. Это из-за Полины?

– Меня расстроил ее звонок, но не будем об этом. – Лицо Джулии просветлело. – Спасибо тебе за открытку. Ты написал то, что мне отчаянно хотелось услышать.

– Я рад. – Габриель крепче обнял ее. – Расскажи мне о своих тревогах.

Джулия начала играть кушаком купального халата, пока Габриель не взял ее руку в свою. Тогда она посмотрела на него и спросила:

– Этой ночью все было так, как ты ожидал?

Габриель резко выдохнул, ибо вопрос Джулии застиг его врасплох.

– Станный вопрос.

– Думаю, твои ощущения должны были отличаться от моих. Я не была слишком... активной.

– Активной? О чем ты говоришь?

– Я почти не доставляла тебе наслаждения, – сказала Джулия и покраснела.

Габриель одним пальцем ласкал ее вспыхнувшую кожу.

– Ты замечательно меня удовлетворила. Конечно, ты нервничала, но я получил огромное наслаждение. Теперь мы принадлежим друг другу во всем... Что еще тебя тревожит?

– Я требовала изменить наши позы, а ведь ты хотел, чтобы я была наверху.

– Ты не требовала, а просила. Говорю тебе сущую правду: я очень хочу услышать твои требования. Хочу знать, что ты желаешь меня столь же страстно и отчаянно, как я – тебя. – Черты лица Габриеля стали мягче. Он пару раз провел рукой вокруг ее груди. – Ты мечтала о своем первом сексуальном контакте и представляла, как он должен происходить. Мне хотелось осуществить твои мечты, но я волновался. Вдруг тебе не будет комфортно? Вдруг я окажусь недостаточно внимательным? Минувшая ночь и для меня была первой ночью.

Габриель разжал руки и занялся завтраком. Из двух термосов он налил в чашку кофе и горячего молока. Столом им служила банкетка, на которую Габриель поставил поднос с едой. Здесь были пирожные и фрукты, тосты и «Нутелла», вареные яйца и сыр. Габриель приплатил служащему отеля, чтобы тот сбегал за шоколадными конфетами *Baci Perugina* – «поцелуйчиками» и за безумно дорогим букетом ирисов в ботанический сад «Джардино дель ирис».

Джулия развернула конфету и съела, закрыв от удовольствия глаза.

– Ты заказал настоящий пир.

– Утром я проснулся зверски проголодавшимся. Мне стоило бы дождаться тебя, но... – Габриель покачал головой, взял виноградину и, глядя сверкающими глазами на Джулию, сказал: – Открой рот.

Джулия открыла рот. Габриель положил туда виноградину и соблазнительно провел пальцем по ее нижней губе.

– А это тебе просто необходимо выпить, – добавил он, подавая ей стакан с клюквенным соком, разбавленным газированной водой.

– Ты удивительно заботлив, – призналась Джулия.

Габриель снова покачал головой:

– Так ведет себя мужчина, когда любит женщину и хочет, чтобы его любимая сохраняла здоровье для всех сексуальных наслаждений, которые им предстоят. – Он лукаво подмигнул Джулии.

– Не стану спрашивать, откуда ты узнал о подобных вещах. Но сок выпью.

Джулия взяла у него из рук стакан и, не сводя глаз с Габриеля, быстро выпила. Габриель лишь усмехался.

– Ты обворожительна, – сказал он.

Джулия показала ему язык, потом взяла тарелку и принялась накладывать себе лакомства.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Габриель, и его лицо вновь сделалось серьезным.

– Прекрасно, – ответила Джулия, проглатывая кусочек сыра «фонтина».

Габриель плотно сжал губы, словно ему не понравился ее ответ.

– Интимная близость меняет отношения между мужчиной и женщиной, – напомнил он.

– Значит, ты недоволен тем, как это было у нас?

Розовые щеки Джулии мгновенно побледнели.

– Я очень доволен. Я счастлив. Просто пытаюсь узнать, счастлива ли ты. И, судя по тому, что я за все это время от тебя услышал... боюсь, что не очень.

Джулия уткнулась глазами в ткань халата, избегая дотошного взгляда Габриеля.

– Когда я училась в университете, девчонки на моем этаже часто садились в кружок и заводили разговоры о своих парнях. И однажды они стали рассказывать, как это у них было в первый раз. – Джулия слегка прикусила свой палец. – Лишь немногие говорили что-то хорошее. У остальных истории были просто жуткие. Одна девушка лишилась невинности в детстве и не по своей воле. В основном все уступали настойчивым требованиям своих парней. От многих я слышала, что их первый секс принес лишь разочарование и боль. Парни обвиняли их в неопытности и торопились сделать это побыстрее. Я слушала их и думала: «Неужели это все, на что я могу надеяться?» В таком случае лучше остаться девственницей.

– Какая жуть.

Теперь глаза Джулии упирались в поднос с едой.

– Я хотела, чтобы меня любили. Я решила: уж лучше поддерживать через письма целомудренные отношения, затрагивающие сердце и разум, чем соглашаться на такой секс. Я сомневалась, что когда-либо встречу мужчину, способного дать мне то и другое. Разумеется, Саймон меня не любил. А теперь у меня отношения с богом секса, но я не могу подарить ему наслаждений, сравнимых с теми, что он дарит мне.

– С богом секса? – удивленно вскинул брови Габриель. – Я уже слышал от тебя эти слова. Но поверь мне, я не...

– Научи меня, – перебила его Джулия, глядя ему в глаза. – Уверена, вчерашняя ночь была... не такая, к каким ты привык. Но я обещаю: если ты будешь терпелив со мною, я исправлюсь.

Габриель вполголоса выругался.

– Иди ко мне, – сказал он.

Он убрал банкетку с их завтраком и снова усадил Джулию себе на колени, крепко обняв. Посидев молча, он глубоко вздохнул и сказал:

– Ты полагаешь, мои прежние сексуальные контакты полностью удовлетворяли меня? Ошибаешься. Ты подарила мне то, чего у меня никогда не было, – любовь и секс одновременно. Только ты была моей любимой в истинном смысле этого слова. – Габриель нежно поцеловал Джулию, торжественно подкрепляя этим свои слова. – Для полноты ощущений предельно важно и мужское предвкушение, и женское очарование. Говорю тебе со всей правдивостью: такого совпадения предвкушения и очарования, как было у нас с тобой, у меня еще никогда не было. А ощущение, что наш контакт – это твой первый сексуальный контакт... Мне просто не хватает слов.

Джулия кивнула, но что-то в ее движениях насторожило Габриеля.

– Поверь, я говорю тебе это не из желания льстить. – Габриель умолк. Казалось, он тщательно подбирает слова. – Рискую быть названным неандертальцем, все же скажу: твоя невинность невероятно эротична. Сама мысль о том, что я могу учить тебя премудростям секса... такую скромную и то же время такую страстную женщину... – Габриель опять умолк, пристально глядя на Джулию. – Получив некоторые навыки и узнав позы, ты сможешь стать опытной в искусстве любви. Но навыки и позы не сделают тебя привлекательнее и сексуально совершеннее. Во всяком случае, для меня.

Джулия наклонилась и поцеловала его.

– Спасибо, что ты так заботился обо мне минувшей ночью, – прошептала она, и ее щеки вновь порозовели.

– А о Полине больше не думай. Я ее утихомирю.

Джулия вернулась к прерванному завтраку, подавив желание спорить с Габриелем.

– Расскажешь мне про свой первый раз?

– Лучше не стоит.

Джулия занялась пирожным, стараясь переключить мысли на более безопасную тему. В мозгу сразу же всплыли финансовые беды Европы.

Габриель обеими руками тер себе глаза, ненадолго заслонившись от Джулии. Он мог бы с легкостью ей солгать, но после всего, что она ему подарила, она заслуживала права знать его тайны.

– Помнишь Джейми Робертс?

– Конечно.

– С нею я потерял свою невинность, – сказал Габриель, отнимая руки от глаз.

Джулия изумленно вскинула брови. Джейми и ее властная мать всегда были холодны с Джулией и, естественно, не вызывали ответных симпатий. Значит, полицейский инспектор Робертс, которая менее месяца назад расследовала дело о нападении Саймона, была первой женщиной Габриеля. Джулия тогда отвечала на ее вопросы, даже не подозревая об этом.

– Не скажу чтобы я был на седьмом небе, – тихо признался Габриель. – По правде говоря, я испугался. Джейми я не любил. Она мне немного нравилась, но настоящих чувств у меня к ней не было. Мы вместе учились в старших классах. На уроках истории целый год сидели рядом. – Габриель передернул плечами. – Мы флиртовали, дурачились, гуляли с ней после занятий, и как-то незаметно... Джейми была девственницей, а мне наврала, что уже лишилась невинности. Я был невнимателен к ней. Вел себя как глупец, думающий только о себе. – Габриель выругался. – Джейми говорила, что ей почти не было больно, но потом у нее шла кровь. Я чувствовал себя животным и всегда жалел, что у нас с ней это было.

Габриель сжался. Джулия ощутила волны вины, исходящие от него. Его рассказ почти поверг ее в отчаяние и в то же время многое объяснил.

– Да, это ужасно. Я тебе сочувствую, – сказала она, сжимая ему руку. – И поэтому вчера ты так беспокоился? – (Габриель кивнул.) – Она же тебя обманула.

– Это не оправдывает моего поведения ни до, ни после. – Габриель прочистил горло. – Джейми думала, что у нас с ней складываются отношения, а меня она не интересовала. Все это, конечно же, лишь усугубляло ситуацию. Если сначала я был просто животным, то случившееся сделало меня еще и куском дерьма. Когда мы приехали на День благодарения и я увидел ее, это был наш первый разговор за многие годы. Я попросил у нее прощения. Она оказалась на удивление великодушной. Мне всегда было стыдно за то, как я обошелся с Джейми. Поэтому старался держаться от девственниц подальше... вплоть до минувшей ночи. – Он прокашлялся. – От первого раза ждут удивительных ощущений, но так бывает редко. Ты старалась доставить удовольствие мне, а я волновался, как бы полнее удовлетворить тебя. Наверное, я был чересчур внимательным, слишком тебя опекал, но я бы не простил себе малейшей боли, причиненной тебе.

Джулия отставила тарелку и провела рукой по лицу Габриеля:

– Ты был очень нежным и очень щедрым. Я еще никогда не испытывала такой радости, и все потому, что ты любишь меня не только своим телом. Спасибо, Габриель.

Словно подтверждая сказанное ею, Габриель крепко ее поцеловал. Джулия что-то бормотала, чувствуя, как его руки скользят по ее волосам. Она обняла его за шею. Руки Габриеля опустились ниже, осторожно раздвинув полы ее халата. Габриель поднял голову и вопросительно на нее посмотрел.

Джулия кивнула.

Он покрыл поцелуями ее шею, после чего его губы оказались возле ее уха.

– Как ты себя чувствуешь?

– Замечательно, – прошептала она в ответ.

Габриель уже целовал ей шею. Потом он слегка отодвинулся, чтобы видеть ее лицо. Его рука опустилась ниже и легла ей на лобок.

– Там болит?

– Чуть-чуть.

– Тогда нам стоит подождать.

– Нет!

Габриель засмеялся, а его губы сложились в знакомую ей соблазнительную улыбку.

– Ты хочешь осуществить то, о чем говорила вчерашним вечером? Заняться любовью на террасе?

Джулия вздрогнула. Его слова воспламенили ее. Она тоже улыбнулась, запустила руки в его волосы и еще крепче притянула к себе. Габриель распахнул ей халат. Его руки принялись ласкать округлости ее тела. Потом он стал целовать ей грудь.

– Что-то ты меня сегодня стесняешься, – сказал он, осторожно целуя ее там, где находилось сердце. – Что изменилось?

Джулия коснулась губами едва заметной ямочки на его подбородке.

– Наверное, мне всегда будет немного стыдно обнажаться. Но я хочу тебя. Хочу, чтобы ты заглянул мне в глаза, чтобы входил в меня, говоря о своей любви. Это я запомню на всю жизнь.

– Я буду постоянно напоминать тебе, – прошептал Габриель. Он снял с Джулии халат и уложил ее на спину. – Тебе не холодно?

– Когда ты обнимаешь, мне не бывает холодно, – с улыбкой прошептала она. – А может, тебе хочется, чтобы я была наверху? Я с удовольствием попробую.

Габриель быстро сбросил с себя халат, трусы и накрыл ее тело своим.

– Дорогая, нас могут увидеть. А этого я не могу допустить. Кроме меня, никому не позволено видеть твоё прекрасное тело. Правда, соседи и прохожие могут тебя услышать... скажем, где-то через час...

Габриель негромко засмеялся. Джулия сделала резкий вдох, и судорога наслаждения пробежала по ее телу с головы до ног.

Габриель поцеловал ее, откинув ей волосы с лица.

– Моя цель – узнать, сколько раз я доставлю тебе удовольствие, прежде чем мне уже будет не сдержаться.

– Мне приятно это слышать, – улыбнулась Джулия.

– И мне тоже. Так позволь мне услышать тебя.

Синее небо покраснело, видя столь пылкое любовное слияние, а флорентийское солнце просто улыбалось, согревая влюбленных, чтобы их не продуло легким ветерком. Кофе с молоком в чашке Джулии совсем остыл и от ее невнимания подернулся хмурой пенкой.

* * *

Немного вздремнув, Джулия позаимствовала у Габриеля его «макбук», чтобы отправить отцу электронное письмо. В ее почтовом ящике лежали два письма, оба с пометкой «важное». Первое было от Рейчел.

Джули!

Как ты? Мой братец ведет себя достойно? Ты уже спала с ним? Понимаю, что я **СОВЕРШЕННО** не вправе задавать тебе этот вопрос, но я-то знаю: если бы ты встречалась с кем-то другим, то уже сообщила бы мне.

Не собираюсь давать тебе никаких советов. Стараюсь много об этом не думать. Просто напиши мне, что ты счастлива и он хорошо обращается с тобой.

Эрон шлет тебе свои наилучшие пожелания.

Я люблю тебя.

Рейчел

Р. S. У Скотта появилась новая подруга. Он скрытничает, и потому я не знаю, давно ли они встречаются. Я все время подначиваю его и прошу познакомить меня с нею, но он отказывается.

Возможно, она профессор.

Джулия рассмеялась. Хорошо, что Габриель в это время плескался в душе и не стоял рядом, заглядывая через плечо. Он бы рассердился на сестру за вопросы столь личного характера. Джулия быстро обдумала ответ и застучала по клавишам ноутбука.

Привет, Рейчел!

Отель – просто сказка. Габриель очень внимателен ко мне. Он преподнес мне бриллиантовые сережки твоей матери. Ты знала об этом?

Мне было неловко принимать такой подарок. Если это тебя огорчает, обязательно напиши.

Отвечаю на твой второй вопрос. Да. Габриель хорошо обращается со мной, и я **ОЧЕНЬ** счастлива.

Передай Эрону привет от меня. С нетерпением жду Рождества.

С любовью, Джулия.

Р. S. Надеюсь, что подруга Скотта – профессор. Габриель не даст брату особо хвастать этим.

Второе письмо было от Пола. Чувствовалось, он тоскует по Джулии, но в то же время благодарен, что их дружба сохранилась. Пол предпочел не распространяться о своей тоске, дабы совсем не потерять Джулию. И еще, даже он был вынужден признать: с тех пор как она вновь стала встречаться со своим дружкой Оуэном, она вся сияла.

Естественно, в письме об этом не было ни строчки.

Привет, Джулия!

Жаль, что не сумел попрощаться с тобой перед твоим отъездом домой. Надеюсь, ты наслаждаешься предрождественской порой. А у меня есть для тебя подарок. Может, напишешь свой пенсильванский адрес, чтобы я смог тебе его отослать?

Я сейчас у себя на ферме. Много времени отнимают большие семейные сборища и помощь отцу по хозяйству, отчего приходится рано вставать. В промежутках пытаюсь работать над своей диссертацией. Могу сказать, что мои будни наполнены настоящим навозом...

Привезти тебе что-нибудь из Вермонта?

Скажем, корову голштинской породы?

Веселого Рождества!

Пол

Р. S. Ты слышала, что Эмерсон одобрил тему диссертации Кристи Петерсон?

Думаю, Рождественский пост – это время чудес.

Джулия смотрела на монитор компьютера, читая и перечитывая письмо Пола. Она не знала, как отнестись к тому, что он написал. По ее мнению, Габриель вполне мог одобрить тему Кристи, потому что та ему угрожала.

Джулии не хотелось омрачать их каникулы разговором на столь неприятную тему, однако новость встревожила ее. Она написала Полу короткий ответ, сообщив свой адрес, затем составила письмо отцу, рассказав ему, что Габриель обращается с ней как с принцессой. Покончив с письмами, она выключила ноутбук и вздохнула.

– Что-то непохоже на счастливую Джулианну, – послышался рядом голос Габриеля.

– Думаю, до конца нашей поездки я больше не буду заглядывать в электронную почту.

– Хорошая мысль.

Джулия обернулась. Вокруг бедер Габриеля было обернуто белое полотенце. Чувствовалось, он наспех вытерся после душа и не расчесал волосы.

– Какой ты красивый! – вырвалось у Джулии.

Габриель усмехнулся, поднял ее на ноги, а потом обнял:

– Мисс Митчелл, вы испытываете влечение к мужчинам в полотенцах?

– Думаю, только к одному мужчине.

– Ты себя хорошо чувствуешь? – спросил Габриель, устремляя на нее голодные глаза.

– Есть легкий дискомфорт. Но оно того стоило.

Он сощурился:

– Джулианна, если я сделал тебе больно, нужно было обязательно мне сказать. Не таись от меня.

– Габриель, я же не сказала, что мне было больно, – возразила она, округляя глаза. – Просто легкий дискомфорт. Когда у нас это происходило, я его не заметила. Я думала о другом. Точнее, о нескольких вещах сразу. Ты действовал на меня очень отвлекающе.

Он улыбнулся и поцеловал ее в шею:

– Тебе пора позволить мне отвлекать тебя в душе. Я устал полоскаться там один.

– Я бы с удовольствием. А как ты себя чувствуешь?

Габриель сделал вид, что раздумывает над ее вопросом.

– Итак... звучный, горячий секс с моей любимой, внутри и снаружи... Да, я бы сказал, это великолепно. – Габриель крепко обнял Джулию, и ткань ее халата впитала капельки воды, падавшие с его кожи. – Обещаю: твой дискомфорт – это не навсегда. Со временем твоё тело научится меня узнавать.

– Оно уже тебя узнает. И скучает без тебя, – прошептала Джулия.

Габриель распахнул верх ее халата, чтобы поцеловать округлость плеча. Нежно сжав его, Габриель принес пузырек с ибупрофеном и подал Джулии.

– Мне скоро идти в Уффици на встречу. Потом заскочу к портному за своим новым костюмом. – Габриель задумчиво наморщил лоб. – Ты не против отправиться за платьем сама? Я дойду с тобой до магазина, но смогу провести там лишь считанные минуты. Неудобно опаздывать на встречу.

– Я совсем не против.

– Если соберешься за полчаса, мы выйдем вместе.

Вместе с Габриелем Джулия отправилась в ванную, начисто забыв и про Пола, и про Крису.

Приняв душ, она встала перед зеркалом, чтобы высушить волосы. Возле другого стоял Габриель. Джулия следила, как он с аккуратностью военного достает бритвенные принадлежности. Решив не красить губы, Джулия прислонилась к раковине и продолжала наблюдать за ритуалом бритья.

Габриель еще не одевался. Полотенце на бедрах сползло ниже. Он неторопливо и старательно брился, следуя классическому стилю бритья. Сверкающие синие глаза за стеклами очков полностью сосредоточились на процессе. Влажные волосы уже были безупречно причесаны.

Джулия старалась не засмеяться, видя эту демонстрацию совершенства. Габриель пользовался помазком с черной деревянной рукояткой, которым взбил европейское мыло для бритья до густой пены. Потом он нанес пену на лицо и приступил к собственно бритью, взял в руку старинный станок с безопасным лезвием.

Некоторых профессоров никак не удовлетворяют одноразовые станки.

– Джулия, ты что? – спросил он, заметив, что она буквально пялится на него.

– Я люблю тебя.

Черты его лица смягчились.

– И я тебя люблю, darling.

– Ты единственный неангличанин, от которого я слышала слово darling.

– Ты не права.

– Почему?

– Ричард всегда так называл Грейс, – ответил Габриель, и его взгляд стал печальным.

– Ричард – старомодный человек в лучшем смысле этого слова, – улыбнулась Джулия. – Мне нравится, что ты тоже старомоден.

Габриель фыркнул и продолжил бриться.

– Я не настолько старомоден, иначе бы не занимался с тобой горячей, страстной любовью на террасе. И не мечтал бы о том, чтобы научить тебя моим любимым позам из «Камасутры». – Габриель озорно ей подмигнул. – Но вообще-то, ты связываешь жизнь с претенциозным старым придурком и даже дьяволом. Тебе придется меня приручить.

– И каким же образом, профессор Эмерсон, я должна это делать?

– Никогда не покидать меня. – Его голос дрогнул, и он повернулся к ней.

– Я еще больше обеспокоена тем, чтобы не потерять тебя.

Габриель наклонился и поцеловал ее в лоб:

– Тогда тебе не о чем беспокоиться.

Глава 2

Джулия вышла из спальни. Она нервничала. Габриель договорился с местным бутиком «Прада» о том, что деньги за сделанные ею покупки будут сняты с его счета. Джулия выбрала платье глубокого синего цвета с V-образным вырезом и без рукавов. Это платье-«колокол» из шелковой тафты с плиссированной юбкой фасоном напоминало платья, которые в пятидесятые годы прошлого века носила Грейс Келли. На Джулии оно сидело превосходно.

Но управляющий бутиком настойчиво рекомендовал осовременить это платье аксессуарами. Джулия выбрала блестящую серебристую кожаную сумочку и оранжевые туфли на высоком каблуке, даже слишком высоком, по ее мнению. Черная кашемировая шаль завершала наряд.

Сейчас Джулия робко стояла в гостиной. Ее волосы были завиты в длинные, свободно ниспадающие локоны. Она надела бриллиантовые сережки и жемчужное ожерелье Грейс.

Габриель сидел на диване и вносил последние коррективы в тезисы своей лекции. Увидев Джулию, он снял очки и встал:

– Ты завораживающе красива.

Габриель поцеловал ее в щеку и слегка повернул, чтобы целиком насладиться ее нарядом.

– Тебе самой нравится?

– Очень. Спасибо тебе, Габриель. Я же знаю: такое платье стоит целое состояние.

Его взгляд переместился на туфли.

– Что? – забеспокоилась Джулия. – Что-то не так?

Габриель кашлянул, не в силах отвести взгляд от ее ног.

– Гм... твои туфли... они...

– Симпатичные. Правда? – нервно хихикнув, спросила Джулия.

– Они не просто симпатичные, они гораздо... – В его голосе появилась хрипотца.

– Что ж, профессор Эмерсон, если мне понравится ваша лекция, возможно, я буду надевать эти туфли и потом...

Габриель поправил галстук и наградил Джулию дерзкой улыбкой.

– В таком случае, мисс Митчелл, я постараюсь, чтобы вам понравилась моя лекция. Даже если мне придется читать ее только для вас, под одеялом. И не в моей, а в нашей спальне.

Джулия покраснела. Габриель обнял ее.

– Нам пора идти, – сказал он, целуя ей волосы.

– Подожди. У меня для тебя есть подарок.

Джулия скрылась в спальне и вернулась с коробочкой, на крышке которой красовался логотип «Прада».

– Тебе не стоило этого делать, – сказал искренне удивленный Габриель.

– Мне хотелось.

Улыбаясь, Габриель осторожно снял крышку, затем развернул мягкую упаковочную бумагу и достал шелковый галстук. Галстук был с легким узором и того же цвета, что и платье Джулии.

– Мне нравится. Спасибо, – сказал Габриель, поцеловав ее в щеку.

– Он подходит к моему платью.

– Теперь все будут знать, что мы принадлежим друг другу.

Габриель тут же снял зеленый галстук, швырнув его на кофейный столик, и принялся повязывать подарок Джулии.

Новый костюм Габриеля был сшит на заказ его любимым местным портным. Черного цвета, с однобортным пиджаком, имеющим боковые шлицы. Джулия была в восторге от этого костюма, но еще больше она восхищалась фигурой того, кто его надел.

«Нет более сексуального зрелища, чем смотреть на мужчину, повязывающего галстук», – подумала она.

– Можно, я помогу? – спросила Джулия, видя, как ему тяжело без зеркала.

Габриель кивнул и наклонился вперед, обняв ее за талию. Джулия распрямила узел галстука, затем поправила воротник рубашки и провела по рукавам, пока ее руки не коснулись запонки на манжетах.

Габриель с удивлением глядел на нее.

– Ты поправляла мне галстук, когда я привез тебя в ресторан Антонио. Мы сидели в машине.

– Помню.

– Нет ничего сексуальнее, чем смотреть, как любимая женщина поправляет тебе галстук.

Габриель взял ее руки в свои:

– С той первой ночи мы прошли долгий путь.

Джулия встала на цыпочки, чтобы поцеловать его, но при этом не запачкать мужской рот губной помадой.

Габриель приник губами к ее уху:

– Даже не знаю, сумею ли я сегодня удерживать флорентийских мужчин на безопасном расстоянии от тебя. Тебе придется не отходить от меня ни на шаг.

Джулия ойкнула, когда Габриель обнял ее и приподнял, чтобы поцеловать по-настоящему. После этого Джулии пришлось заново красить губы, а им обоим – посмотреться в зеркало, прежде чем покинуть номер.

Габриель держал ее за руку в течение всего их недолгого пути к галерее Уффици и потом, когда они поднимались на второй этаж, сопровождаемые невысоким полным человеком с галстуком-бабочкой. Этого человека звали Лоренцо. Представившись, он сказал, что является личным ассистентом *dottore* Витали.

– Боюсь, *professore*, что нам требуется ваше безотлагательное присутствие, – сказал Лоренцо, взглянув на Габриеля и Джулию, а потом на их соединенные руки.

Габриель еще крепче стиснул ее ладонь.

– Это для того... как это у вас называется... дает изображение на экран? PowerPoint?

Лоренцо махнул в сторону зала, находящегося у них за спиной. Там уже собирались гости.

– У мисс Митчелл нумерованное место, – сказал Габриель, показывая итальянцу, что пришел не один.

Ему не понравилось, что Лоренцо как будто не замечает Джулию.

– Да, *professore*. Я сам провожу вашу *fidanzata*² туда, – сказал Лоренцо, уважительно кивнув в сторону Джулии.

Джулия уже собралась поправить персонального ассистента, но Габриель поцеловал ей тыльную сторону ладони, прошептав несколько слов ободрения. Затем он ушел, а Джулия отправилась на отведенное ей почетное место в переднем ряду.

Она оглядела свое окружение, обратив внимание на тех, кто, скорее всего, относился к флорентийской *glitterati*³. Рядом с ними сидели ученые и высокопоставленные чиновники. Джулия расправила подол платья, наслаждаясь шелестом тафты под ее пальцами. Учитывая то, как были одеты другие гости, а также присутствие группы фотографов, она обрадовалась, что ее наряд не уступает одежде других женщин. Эта лекция была очень важна для Габриеля, и ей не хотелось ставить его в неловкое положение.

² Невеста (*ит.*).

³ Элита, цвет общества (*ит.*).

Устроители лекции отвели для нее Боттичеллиевский зал, где были собраны лучшие произведения художника. Кафедру поставили между «Рождением Венеры» и «Мадонной с гранатом», а «Весна» находилась справа от слушателей. Часть картин на той стене временно сняли и вместо них повесили большой экран, на котором Габриель по ходу лекции будет демонстрировать слайды.

Слушать лекцию в столь знаменитом месте! Джулия сознавала, какая редкая удача выпала ей, и молча прочла молитву, благодаря за это неописуемое счастье. Будучи первокурсницей, она провела во Флоренции целый год. Каждую неделю, а иногда и чаще она приходила в Боттичеллиевский зал. Искусство этого мастера действовало на нее успокаивающе и вдохновляюще. Застенчивая американская студентка, она тогда и представить не могла, что через два года попадет сюда снова, что будет сопровождать всемирно известного специалиста по творчеству Данте, которого пригласили прочесть лекцию в этом зале. Джулии казалось, будто она более тысячи раз подряд выиграла в лотерею.

В зале собралось свыше ста человек. Часть слушателей стояли в конце зала. Джулия смотрела, как Габриеля представляли многочисленным именитым гостям. Он был очень привлекательным мужчиной, высоким и невероятно обаятельным. Джулию особенно восхищали его очки и безупречно сидящий черный костюм.

Когда кто-то заговаривал от нее Габриеля, Джулия сосредоточивала внимание на его голосе. Он дружески беседовал со всеми, легко переходя с итальянского на французский или немецкий, а затем снова возвращаясь к языку хозяев галереи.

Даже его немецкий звучал сексуально.

Ее обдало теплой волной, когда она вспомнила, как выглядит тело Габриеля под этим костюмом. Она вспомнила его обнаженного, склонившегося над нею. Интересно, у него были те же мысли, когда он смотрел на нее, успевая ей подмигнуть? Его мимолетная игривость сразу же оживляла в ее памяти их любовную интерлюдия сегодня утром на террасе, и все ее тело охватывала приятная дрожь.

Затем Габриель сел и с вежливым вниманием стал слушать вступительное слово *dottore* Витали, который не менее четверти часа усердно перечислял заслуги профессора. Случайный наблюдатель сказал бы, что Габриель выглядел спокойным и почти что скучающим. Но это было не так. Его беспокойство проявлялось в инстинктивном листании тезисов, которые были не более чем наметками слов, ибо слова, что вскоре услышит зал, будут исходить из его сердца. Слушая Витали, Габриель внес в тезисы несколько мелких поправок. Вряд ли он мог бы говорить о музах, любви и красоте, если бы рядом не было кареглазого ангела – его Джулианны, без колебаний отдавшей ему минувшей ночью. Она была его вдохновением, причем давно – с ее семнадцати лет. Спокойная красота и щедрая доброта Джулии тронули его сердце. Ее образ был для него талисманом, охраняющим от темных демонов наркомании. Она была для него всем, и он мог бы сказать об этом вслух.

После обилия ластивых слов и прозвучавших вслед за ними аплодисментов Габриель встал, поднялся на кафедру и обратился к собравшимся на певучем итальянском языке:

– Моя сегодняшняя лекция будет в чем-то необычной. Я не являюсь историком искусства и тем не менее сегодня хочу поговорить с вами о музе Сандро Боттичелли, которую называли *La Bella Simonetta*⁴. Произнося последние слова, Габриель нашел глазами Джулию.

Она улыбнулась, пытаясь не допустить, чтобы у нее покраснели щеки. Ей была известна история отношений Боттичелли и Симонетты Веспуччи. При флорентийском дворе Симонетту называли королевой красоты. Умерла она совсем молодой, в двадцать два года. То, что Габриель сравнил ее с Симонеттой, Джулия восприняла как высшую и искреннюю похвалу.

⁴ Прекрасная Симонетта (*ит.*).

– Будучи профессором литературы, я понимаю, что затрагиваю противоречивую тему, избрав произведения Боттичелли как средоточие различных женских архетипов. В кругах историков велось немало споров о том, насколько близка была Симонетта к Боттичелли и в какой степени она могла служить истинным источником вдохновения для его полотен. Часть этих противоречивых суждений я надеюсь оставить в стороне для того, чтобы сосредоточить ваше внимание на непосредственном визуальном сравнении нескольких фигур. Начну с показа первых трех слайдов. На них представлены графические иллюстрации к «Божественной комедии», а именно – Данте и Беатриче в Раю.

Габриеля и сейчас искренне восхищали эти рисунки. С них его мысли перенеслись к тому времени, когда он впервые пригласил Джулию к себе домой. В тот вечер он вдруг понял, до чего же ему хочется радовать ее и какой прекрасной становилась она, когда была счастлива.

Сейчас, глядя на дышащее покоем лицо боттичеллиевской Беатриче, Габриель сравнивал его с лицом Джулии. Джулия сидела, внимательно ловя каждое слово. Как и Габриель, она, глядя на экран, восхищалась шедевром Боттичелли. Габриелю захотелось, чтобы Джулия взглянула на него.

– Обратите внимание на лицо Беатриче. – Голос Габриеля сделался мягким, а его глаза встретились с глазами его любимой. – Это самое прекрасное лицо... Мы начнем с фигуры Беатриче – музы Данте. Хотя я уверен, что мне нет необходимости рассказывать вам о ней, позвольте все же отметить, что образ Беатриче символизирует романтическую любовь, поэтическое вдохновение, веру, надежду и милосердие. Она идеал женского совершенства; женщина, наделенная умом, способностью к состраданию и в то же время исполненная той бескорыстной любви, которая может исходить лишь от Бога. Беатриче вдохновляет Данте стать лучше.

Габриель сделал паузу, чтобы поправить галстук. Его галстук вовсе в этом не нуждался, но когда его пальцы скользнули по синему шелку, Джулия невольно моргнула, и Габриель убедился: она поняла его слова.

– А теперь давайте посмотрим на лицо богини Венеры.

Глаза всех присутствующих, за исключением Габриеля, застыли на «Рождении Венеры». Пока аудитория восхищалась одной из величайших и самых монументальных картин Боттичелли, он еще раз торопливо просмотрел тезисы своей лекции.

– Мы замечаем, что у Венеры лицо Беатриче. И опять-таки, меня не интересует исторический анализ моделей для этого полотна. Я просто прошу вас отметить видимое сходство обеих фигур. Они представляют две музы, два идеальных типажа, один из которых духовный, а второй – светский. Беатриче – возлюбленная души, Венера – возлюбленная тела. Боттичеллиевская *La Bella* имеет оба лица: одно символизирует *agape*, жертвенную любовь, а другое – *eros*, любовь плотскую.

Голос Габриеля становился все сочнее, и Джулия чувствовала нарастающий жар в своем теле.

– В портрете Венеры упор сделан на ее телесной красоте. И хотя Венера символизирует плотскую, сексуальную любовь, она сохраняет похвальную скромность. Длинными волосами она прикрывает самую интимную часть своего тела. Отметим также застенчивое выражение ее лица и положение руки, которой она стремится прикрыть грудь. Но ее застенчивость не уменьшает, а лишь увеличивает эротизм ее облика. – Драматическим жестом Габриель снял очки и немигающими глазами вперился в Джулию. – Многим, кто смотрит на это полотно, не удастся заметить, что скромность и спокойствие характера являются составными частями эротической притягательности Венеры.

Джулия теребила бегунок молнии на своей сумочке, борясь с сильным желанием заерзать на стуле. Габриель вновь надел очки.

– Эрос – это не похоть. У Данте похоть упоминается в числе семи смертных грехов. Эротическая любовь может включать в себя секс, но не ограничивается сексом. Эрос – это все-

поглощающий огонь страстной, неистовой влюбленности. Такое чувство охватывает каждого, кто влюблен. И верьте мне, когда я говорю, что своими страстными проявлениями оно значительно превосходит своих соперников, причем во всех отношениях.

Джулия не могла не заметить, с какой интонацией было произнесено слово «соперники», подчеркнутое взмахом его руки. Казалось, этим жестом Габриель отметал всех прежних любовниц, а его пылающие синие глаза остановились на ней.

– Каждый, кто сам любил, знает разницу между эросом и похотью. Их нельзя сравнивать. Похоть не более чем жалкая тень эроса, приносящая лишь разочарование. Быть может, кто-то возразит, что одному человеку, одной женщине невозможно являть собой идеал и агапе, и эроса. Я считаю подобный скептицизм формой женоненавистничества. Только женоненавистник решится утверждать, что женщины бывают либо святыми, либо совратительницами, то есть либо непорочными девами, либо шлюхами. Конечно, женщина, как и мужчина, может сочетать в себе обе ипостаси. Муза может быть возлюбленной как души, так и тела. А теперь прошу вас взглянуть на полотно, находящееся у меня за спиной, – на «Мадонну с гранатом».

И вновь глаза собравшихся переместились к названному шедевру Боттичелли. Габриель не без удовольствия заметил, как Джулия дотрагивается до своей бриллиантовой сережки. Она делала это намеренно, желая показать, что понимает его откровения и с радостью их принимает. Казалось, она поняла: обращаясь к боттичеллиевским шедеврам, Габриель признавался ей в любви. Его сердце переполняла радость.

– И вновь мы узнаем в лице Мадонны знакомые черты. Беатриче, Венера, Мария – троица идеальных женщин, имеющих одинаковые лица. Агапе, эрос и целомудрие... Поистине головокружительное сочетание, способное заставить даже самого сильного мужчину пасть на колени... если, конечно, ему посчастливится встретить в одной женщине проявление всех трех ипостасей.

В тишине зала раздалось подозрительное покашливание, будто кто-то пытался скрыть за ним язвительное замечание. Габриель терпеть не мог, когда его прерывали. Он хмуро поглядел поверх плеча Джулии в направлении второго ряда. Покашливание повторилось – ради драматического эффекта, и между Габриелем и незнакомым ему, но явно раздраженным итальянцем начался впечатляющий поединок, подхлестнутый тестостероном.

Помня о том, что он говорит в микрофон, Габриель подавил в себе желание выругаться. Метнув в нарушителя спокойствия уничтожающий взгляд, он продолжил:

– Кто-то брался оспаривать библейское повествование, утверждая, что плодом искушения в руках Евы было не яблоко, а гранат. Отдавая дань уважения шедеврам Боттичелли, многие возражали, говоря, что гранат символизирует кровь Христа, его страдания и его последующую новую жизнь после воскресения. Для удобства моих рассуждений я назову гранат плодом, произраставшим в Эдемском саду, Мадонну – второй Евой, а Христа – вторым Адамом. Через образ Мадонны Боттичелли будто вслушивается в образ первой Евы – архетипа женственности, красоты и женского товарищества. Я осмелюсь пойти дальше и рискну утверждать, что Ева является также идеалом женской дружбы, подругой Адама и, следовательно, идеалом *филии* – любви, проистекающей от дружбы. Этот же идеал проявлен в дружбе между Марией и Иосифом.

У Габриеля запершило в горле. Он умолк и сделал несколько глотков воды. Сравнение Джулии с Евой в какой-то мере сделало его уязвимым, обнаженным, заставило вспомнить вчерашний вечер, когда он протянул ей яблоко и обнимал под звездным небом.

Слушатели зашептались, недоумевая, почему вполне объяснимая пауза, необходимая лектору, чтобы освежить водой горло, превратилась в перерыв. Щеки Габриеля становились все краснее. Он устремил взгляд на свою любимую, отчаянно нуждаясь в ее понимании.

Рубиновые губы Джулии ободряюще улыбнулись. Габриель облегченно выдохнул.

– Муза Боттичелли – это святая, любовница и подруга, а не женщина с журнальной картинки и не женщина из фантазий подростка. Она реальна, сложна для понимания и способна без конца удивлять и очаровывать нас. Это женщина, которой поклоняются. Уверен, вам известна точность греческого языка, позволяющая более четко различать виды любви. Интересующихся отсылаю к современному изложению этого вопроса, которое вы найдете в труде Клайва Льюиса «Четыре любви». – Габриель прочистил горло и наградил аудиторию улыбкой победителя. – И наконец, обратите внимание на картину, что находится слева от меня. Я говорю о «Весне». Казалось бы, на этом полотне лицо боттичеллиевской музы должно быть у центральной фигуры. Но взгляните на лицо Флоры в правой части картины. Мы вновь замечаем сходство с лицами Беатриче, Венеры и Богоматери. Удивительно и то, что Флора на этом полотне изображена дважды. Если вы переведете взгляд с центральной части произведения вправо, то увидите беременную Флору, носящую в себе дитя Зефира. Зефира мы видим в правом углу, где он резвится среди апельсиновых деревьев с нимфой-девственницей – вторым изображением Флоры. На ее лице ясно читается страх. Она стремится вырваться из рук своего будущего возлюбленного и в ужасе оглядывается на него. Однако впоследствии, уже будучи беременной, она выглядит умиротворенной. Страх на ее лице сменяется чувством удовлетворенности.

Джулия покраснела, вспомнив, как заботливо минувшей ночью обращался с нею Габриель. Он был нежным и мягким. Находясь в его объятиях, она чувствовала себя богиней, которой поклоняются. Вспомнив миф о Флоре и Зефире, Джулия невольно вздрогнула, пожелав, чтобы все влюбленные мужчины относились к своим возлюбленным-девственницам, как Габриель.

– Флора символизирует собой высшую стадию телесной любви, проявившейся в материнстве. Она служит идеалом *сторге* – семейной, родственной любви. Любви матери к своему ребенку, любви между мужчиной и женщиной, которых связывает не только секс и стремление к наслаждению, но и брачные узы.

Никто, кроме Джулии, не заметил, как побелели костяшки пальцев на руках Габриеля, вцепившихся в край кафедры. Никто, кроме Джулии, не уловил легкого дрожания в его голосе, когда он произносил слова «беременная» и «материнство».

Габриель сдвинул брови и, чтобы успокоиться, стал пролистывать свои тезисы. Джулия почувствовала, насколько беззащитен он сейчас, и с трудом удержалась, чтобы не подойти и не обнять его. Желая его ободрить, она начала слегка постукивать по высокому оранжевому каблуку своей туфли.

Габриель уловил ее жест. Он с заметным трудом проглотил комок в горле и продолжил лекцию:

– В ранних работах, посвященных «Весне», утверждается, что Флора имеет сходство с прекрасной Симонеттой, музой Боттичелли. Если это утверждение справедливо, то мы можем его расширить и сказать, что Симонетта вдохновила художника на написание Беатриче, Венеры и Марии, ибо все четыре женских персонажа имеют схожие лица. Итак, лицо одной женщины – Симонетты – вдохновило художника на создание символов агапе, эроса, филии и сторге. Иными словами, можно было бы утверждать, что в своей возлюбленной и музе Боттичелли видит все четыре типа любви и четыре женских идеала: святая, любовница, подруга и супруга. Завершая свою лекцию, я невольно возвращаюсь к образу той, с кого мы начали, – к образу Беатриче. Отнюдь не случайно, что зримое воплощение образа главной героини литературного шедевра Данте обрело у Боттичелли черты Симонетты. Столкнувшись с такой красотой и такой добродетелью, какой мужчина не захочет, чтобы эта женщина оставалась с ним не временно, а навсегда? – Габриель серьезно и задумчиво посмотрел на собравшихся. – А закончу я свою лекцию словами Поэта: «Ныне явлено блаженство ваше». Благодарю за внимание.

Аудитория горячо зааплодировала. Джулия смахнула слезы. Ее переполняли чувства.

Кафедру вновь занял *dottore* Витали. Итальянец рассыпался в благодарностях профессору Эмерсону за столь познавательную лекцию. Небольшая группа местных политиков преподнесла Габриелю подарки, в числе которых был медальон с панорамой Флоренции.

Джулия не торопилась вставать, надеясь, что Габриель к ней подойдет. Но его плотно обступили слушатели, в числе которых было и несколько въедливых искусствоведов.

Еще бы! Ведь они посчитали откровенной наглостью, что какой-то профессор литературы взялся рассуждать об истинных бриллиантах в короне галереи Уффици.

Потом ей все же пришлось встать. Джулия побрела следом, слушая, как журналисты забрасывают Габриеля вопросами. Она поймала его взгляд, и Габриель улыбнулся ей натянутой, извиняющейся улыбкой, после чего им занялись фотографы.

Раздосадованная, Джулия бродила по соседним залам, восхищаясь знаменитыми картинами, пока не оказалась возле своего любимого «Благовещения» Леонардо да Винчи. Она стояла близко, даже очень близко к картине, разглядывая тщательно прорисованную мраморную колонну, когда рядом с нею мужской голос спросил по-итальянски:

– Вам нравится эта картина?

Джулия подняла голову, взглянув в глаза черноволосого, смуглокожего мужчины. Ростом он был выше ее, но ненамного и довольно мускулистым. На нем был очень дорогой черный костюм с продетой в петлицу красной розой. Джулия узнала этого человека: на лекции он сидел позади нее.

– Да, очень нравится, – по-итальянски ответила она.

– Меня всегда восхищала у да Винчи глубина, которую он умел создавать на своих полотнах. Особенно затенение и детали колонн.

Джулия улыбнулась, вновь поворачиваясь к картине.

– Именно это я и изучала, вместе с перьями на крыльях ангела. Они бесподобны.

Мужчина поклонился:

– Позвольте представиться. Джузеппе Паччиани.

Джулия несколько оторопела. Фамилия была ей знакома. Мужчина оказался однофамильцем человека, подозреваемого в длинной цепи серийных убийств, совершенных во Флоренции.

Похоже, ее новый знакомый ждал, что она тоже представится, поэтому повернуться и убежать было бы невежливо, хотя такое желание у нее было.

– Джулия Митчелл.

К ее удивлению, вместо рукопожатия мужчина взял ее ладонь обеими руками и, не сводя с нее глаз, поцеловал.

– Вы очаровательны. Осмелюсь сказать, что своей красотой вы соперничаете с прекрасной Симонеттой. Особенно если вспомнить недавнюю лекцию.

Джулия отвернулась и быстро высвободила руку.

– Позвольте угостить вас вином.

Паччиани подозвал официанта, взяв у него с подноса два фужера. Он сам чокнулся и провозгласил тост за здоровье.

Джулия потягивала игристое «Феррари спуманте». Вино отвлекало ее от пристального взгляда Паччиани. В этом человеке, несмотря на его обаяние, было что-то пугающее. Вероятно, не в последнюю очередь Джулию настораживала его фамилия.

Итальянец улыбался ей улыбкой изголодавшегося мужчины.

– Я профессор литературы в нашем университете. А чем занимаетесь вы?

– Изучаю творчество Данте.

– А-а, *il Poeta*. Я ведь тоже специализируюсь по Данте. Где вы учитесь? Явно не у нас.

Глаза Паччиани скользнули по ее фигуре, задержались на туфлях и вернулись к ее лицу.

– Я учусь в Торонтском университете, – сказала Джулия, отодвигаясь от него подальше.

– Вот оно что! Значит, вы из Канады. Кстати, там учился одна из моих бывших студенток. Возможно, вы даже знакомы. – Паччиани вновь приблизился к ней.

Джулия решила не объяснять ему, откуда она на самом деле, и сделала еще один шаг назад.

– Вряд ли я знакома с вашей студенткой. Университет большой.

Джузеппе улыбнулся, демонстрируя ровные белые зубы, которым музейное освещение придавало какой-то странный блеск.

– Вам известна картина Пьеро ди Козимо «Персей, освобождающий Андромеду»? – спросил Паччиани, указывая на одну из соседних картин.

– Конечно.

– А вы замечаете, что в его манере прослеживаются элементы фламандской школы? Обратите внимание на фигуры, стоящие в толпе. – Он указал на людей, изображенных в правой части картины.

Джулия подошла, чтобы получше разглядеть полотно. Джузеппе встал рядом с ней, пожалуи, чересчур близко. Джулия рассматривала картину, а он рассматривал ее.

– Вам нравится?

– Да, но я все же предпочитаю картины Боттичелли.

Джулия упорно не сводила глаз с картины, надеясь, что Паччиани устанет приставать к ней и удалится.

«Желательно на другой берег Арно».

– Вы учитесь у профессора Эмерсона?

Джулия прокашлялась.

– Нет. Я учусь у другого профессора.

– По североамериканским стандартам Эмерсон считается блестящим специалистом, потому его сюда и пригласили. Но его лекция привела меня в замешательство. Кстати, а чем вас привлекло творчество Данте?

Джулия уже собралась поспорить насчет такой оценки лекции, как Джузеппе неожиданно коснулся ее волос. Джулию передернуло. Она попятилась задом, но длинная рука итальянца потянулась вслед за ней. Джулия была готова отчитать его, когда рядом послышалось чье-то рычание.

И она, и Джузеппе повернули голову и увидели Габриеля. Его сапфировые глаза метали молнии. Он стоял, уперев руки в бока, а расстегнутый пиджак напоминал перья рассерженного павлина.

Габриель угрожающе шагнул вперед:

– Вижу, вы успели познакомиться с моей fidanzata. Настоятельно рекомендую держать руки от нее подальше, если только не хотите их лишиться.

Джузеппе нахмурился, но тут же расплылся в вежливой улыбке:

– Мы с ней проговорили всего несколько минут. О вас вообще не было речи...

Джулия не стала дожидаться, пока Габриель оторвет Джузеппе руки, залив кровью безупречно чистые полы галереи Уффици. Она встала между обоими мужчинами, положив руку Габриелю на грудь.

– Габриель, познакомься с профессором Паччиани. Он тоже специалист по Данте.

Мужчины взглянули друг на друга. Джулия только сейчас сообразила, что не кто иной, как Паччиани, мешал Габриелю своим покашливанием и бормотанием.

Итальянец насмешливо поднял руки вверх:

– Тысяча извинений. Я должен был бы сразу догадаться по тому, как вы на нее смотрели во время вашей... речи, что это ваша женщина. Простите меня, Симонетта. – Его глаза остановились на лице Джулии, а губы сложились в презрительную улыбку.

Сарказм итальянца заставил Габриеля сделать еще шаг в его направлении и сжать кулаки.

– Darling, мне нужно куда-то поставить фужер, – сказала Джулия, качнув пустым фужером и думая, что это отвлечет Габриеля.

Габриель забрал у нее фужер и передал Паччиани:

– Уверен, вы знаете, куда его поставить.

Габриель схватил Джулию за руку и поспешил увести.

Они миновали Боттичеллиевский зал, и гости, словно воды Красного моря, расступались, освобождая им путь.

Каждый новый взгляд заставлял Джулию краснеть еще сильнее.

– Куда мы идем?

Габриель вывел ее в примыкающий коридор, пол которого был выложен мозаикой, и потащил дальше, в самый конец, где их наверняка не могли услышать гости. Там он затолкал Джулию в темный угол между двумя массивными мраморными статуями на высоких постаментах. Рядом с ними Джулия казалась совсем маленькой.

Габриель выхватил у нее из рук сумочку и швырнул на пол. По коридору разнеслось эхо.

– Что ты делала с ним? – спросил Габриель.

Его глаза пылали, а щеки слегка покраснели, что случалось у него весьма редко.

– Мы с ним говорили о разных пустяках, а потом он...

Габриель жгуче ее поцеловал. Одна его рука запуталась в ее волосах, другая скользнула по спине вниз. От его прикосновения Джулии стало жарко, но очень скоро оголенная верхняя часть ее спины ощутила холодный мрамор стены. Габриель придавил ее своим телом.

– Я больше не хочу видеть руки других мужчин на тебе.

Габриель грубо раздвинул ей губы, проникнув языком в ее рот. Его рука скользнула ниже и принялась мять ее ягодицы.

Джулия мгновенно почувствовала разницу его прикосновений, заметно отличавшихся от ночных и утренних. Его прежние внимание и забота куда-то исчезли. Часть ее существа отчаянно хотела его. Другая часть думала, как он себя поведет, если она скажет «нет».

Габриель поднял ей левую ногу, обвил вокруг своего бедра и прижался еще крепче.

Джулия ощущала его сквозь ткань платья, слышала шуршание тафты, похожее на тихие женские вздохи. Платье явно жаждало большего.

– Ну что я должен сделать, чтобы ты была моей? – застонал он, прижимая к ней губами.

– Я и так твоя.

– Сегодня я в этом сомневаюсь. – Он втянул ее нижнюю губу и принялся покусывать. – Неужели ты не поняла моей лекции? Каждое слово, каждое полотно были для тебя.

Его рука заскользила под платьем вверх, пока не наткнулась на тонкую полоску ткани, опоясывавшую бедро Джулии.

Габриель отстранился, чтобы видеть ее лицо.

– Сегодня без подвязок? – спросил он.

Джулия кивнула.

– А это что такое?

Его пальцы потянули за обнаруженную полоску. Она была совсем тонкой.

– Трусики, – прошептала Джулия.

– Трусики какого фасона? – спросил Габриель, и его глаза сверкнули в полумраке коридора.

– Танга.

Он хищно улыбнулся, затем спросил, прижимая губами к ее уху:

– Смею ли я полагать, что ты надела их для меня?

– Только для тебя. Всегда.

Габриель без предупреждения поднял ее и прижал к холодной стене. Он целовал Джулию в шею, а сам прижимался к ней. Длинные, тонкие каблуки ее оранжевых туфель уткнулись ему в ягодицы. Габриель не сводил с нее своих обезумевших синих глаз.

– Я хочу тебя. Прямо сейчас.

Он дергал трусики, пока те не порвались. Джулия вдруг почувствовала себя нагой. Габриель запихнул танга в карман пиджака. От этого движения каблуки еще сильнее впились ему в ягодицы, заставив вздрогнуть.

– А ты знаешь, как мне было тяжело сдерживаться после лекции? Как отчаянно мне хотелось тебя обнять? Эти словесные банальности были настоящей пыткой, потому что я хотел только тебя... Жаль, что ты не видишь, какая ты сейчас сексуальная, когда спиной упираешься в стену, а ноги обвиты вокруг моей талии. Я хочу тебя в этой позе и чтобы ты тяжело дышала и страстно шептала мое имя.

Язык Габриеля коснулся ямки у основания ее горла. Джулия закрыла глаза. В ней боролись страсти и разум, настойчиво убеждавший ее оттолкнуть Габриеля и задуматься о происходящем. В таком настроении Габриель был опасен.

Неожиданно из коридора донеслись голоса. Джулия мгновенно открыла глаза.

Шаги и веселый смех становились все ближе. Габриель поднял голову и прошептал ей в самое ухо:

– Замри. Ни звука.

Джулия почувствовала, как его губы сложились в улыбку и соединились с ее губами.

Те, кто сюда шел, остановились в нескольких футах от них. Джулия слышала голоса двоих мужчин, разговаривающих по-итальянски. Ее сердце продолжало бешено колотиться, а сама она обратилась в слух, следя за малейшими признаками движения. Габриель продолжал нежно ее гладить, поглощая своим ртом ее звуки. Время от времени он шептал ей слова оболения, заставлявшие ее краснеть.

Один из мужчин громко рассмеялся. Джулия удивленно подняла голову. Габриель воспользовался звуками чужого смеха, чтобы поцеловать ей шею и слегка впиться зубами в ее нежную кожу.

– Пожалуйста, не кусай меня.

Вокруг них звучало эхо двух голосов. В конце концов смысл ее слов дошел до воспаленного сознания Габриеля. Он оторвался от ее шеи.

Они прижимались грудью друг к другу. Габриель чувствовал биение ее сердца. Он закрыл глаза, словно зачарованный отрывистым ритмом этого биения. Когда он снова открыл их, огонь желания заметно ослабел.

С помощью декоративной косметики Джулия тщательно скрыла след от укуса Саймона, но Габриель ощупью нашел этот след, слегка проведя по краям. Потом поцеловал Джулию. Он медленно, очень медленно выдыхал воздух и качал головой.

– Ты единственная женщина, от которой я услышал «нет».

– Я не говорю тебе «нет».

Обернувшись через плечо, Габриель посмотрел на двоих мужчин, поглощенных разговором. Оба были старше его. Они находились совсем близко. Им достаточно было взглянуть в том направлении, и они бы его заметили.

Габриель снова повернулся к Джулии.

– Ты заслуживаешь лучшего, нежели ревнивый любовник, припечатавший тебя к стене, – грустно улыбаясь, прошептал он. – И уж конечно, мне не хочется, чтобы наш хозяин меня здесь застукал. Прости.

Он поцеловал Джулию и большим пальцем провел по ее распухшей нижней губе, стирая тонкий слой малиново-красной помады.

– Не хочу подрывать доверие, которое минувшей ночью видел в твоих глазах. Когда ко мне вернется здравый рассудок, мы вдоволь набродимся по пустому музею... – Его лицо помрачнело. – Возможно, в другой раз.

Габриель отвел каблучки ее туфель от своих ягодичек и поставил Джулию на ноги, после чего наклонился, чтобы расправить подол ее платья. Тафта почти бесшумно шелестела под его пальцами, а потом смолкла. В этом шелесте было что-то очень грустное.

К счастью для Габриеля и Джулии, *dottore* Витали и его спутник решили вернуться к собравшимся. Их шаги удалялись и вскоре стихли.

– Скоро должен начаться банкет. Я не могу уйти – они обидятся. Но когда я приведу тебя домой... – Габриель пристально поглядел на Джулию, – нашей первой остановкой станет первая же стена внутри номера.

Джулия кивнула, обрадовавшись, что он больше не сердится. По правде говоря, перспектива «стенного» секса одновременно пугала и возбуждала ее.

Габриель расправил брюки, застегнул на все пуговицы пиджак и приказал своему телу успокоиться. Потом он попытался пригладить себе волосы, но все равно вид у него бы такой, словно он затащил свою любимую в укромный уголок и занимался с нею «музейным сексом».

Некоторые ученые мужи, предающиеся «музейному сексу», испытывают потом угрызения совести. (Но не торопитесь осуждать этот вид секса, прежде не испытай его.)

Джулия сама пригладила Габриелю волосы и поправила галстук, после чего осмотрела его лицо и воротник рубашки на предмет следов губной помады. Габриель поднял с пола ее сумочку, которую с поцелуем вручил Джулии. Усмехаясь, он засунул ее трусики поглубже в карман, чтобы их не было видно.

Джулия сделала шаг, проверяя, каково ей ходить без этой интимной детали. Оказалось, что намного свободнее.

Встав на цыпочки, она поцеловала Габриеля в щеку.

– Хочу, чтобы ты научил меня своим премудростям соблазнения.

– Только если ты научишь меня любить так, как любишь ты.

Габриель повел ее по пустому коридору, затем вниз по лестнице. Они спустились на первый этаж, где только что начался банкет.

* * *

В свою квартиру рядом с дворцом Питти профессор Паччиани ввалился далеко за полночь. Столь поздние возвращения бывали у него довольно часто.

Прежде чем открыть входную дверь, он возился с ключами, которые уронил и потом, чертыхаясь, поднял. Войдя в квартиру, он захлопнул дверь и первым делом навестил комнату, где спали его четырехлетние сыновья-близнецы. Поцеловав их, Паччиани потащился к себе в кабинет.

Он неспешно курил сигарету, дожидаясь, когда загрузится компьютер. Затем вошел в аккаунт своей электронной почты. Игнорируя пришедшие письма, он составил короткое послание, адресованное своей бывшей студентке и любовнице. Контакты между ними сохранялись и после окончания ее учебы.

Паччиани рассказал ей о том, как познакомился с профессором Эмерсоном и его совсем молодой канадской *fidanzata*. Следом он написал, что, хотя ему и очень понравилась монография Эмерсона, изданная в Оксфорде, сегодняшняя лекция профессора грешила псевдоинтеллектуализмом. В серьезных научных кругах подобным лекциям не место. Можно быть либо ученым и интеллектуалом, либо заниматься популяризаторством и развлекать публику, однако нельзя быть тем и другим одновременно. «Может, в университетах Северной Америки это сходит за блестящую эрудицию?» – без обиняков спросил у своей корреспондентки Паччиани.

В конце письма он красочно и подробно описал сексуальное свидание, которое у них может состояться где-то в конце весны. Потом он докурил сигарету, проследовал в темную спальню и плюхнулся на супружеское ложе рядом со спящей женой.

Глава 3

Криста Петерсон выросла в привилегированных условиях, так что порочность ее натуры никак нельзя было объяснить происхождением и воспитанием. Ее отец и мать любили друг друга и души не чаяли в их единственном ребенке. Отец Кристи был известным и уважаемым торонтским онкологом. Мать работала библиотекарем в колледже Хейвергал – элитной частной школе для девочек, в которую Криста ходила с детского сада по двенадцатый класс.

Криста посещала воскресную школу. Она прошла конфирмацию в англиканской церкви. Она изучала «Книгу общих молитв» Томаса Кренмера, но ничто из перечисленного не затронуло ее сердце. В пятнадцать лет Криста открыла для себя могущественную силу женской сексуальности, и та почти сразу стала не только ее валютой, но и любимым оружием.

У ее лучшей подруги Лизы Малькольм был старший брат, которого звали Brent. Brent был симпатичным парнем. Выглядел он так же, как очень и очень многие выпускники колледжа Верхней Канады – частной школы для мальчиков, где учились отпрыски из старинных богатых канадских семей. Brent был высоким и ладно сложенным голубоглазым блондином. Он занимался гребным спортом, входил в мужскую сборную Торонтского университета и вполне мог бы сниматься в роликах, рекламирующих спортивные товары фирмы «Джей-Крю».

Криста издали любовалась Brentом, однако ей мешала их разница в четыре года. Brent ее даже не замечал. Но однажды, оставшись ночевать в доме Лизы, Криста пошла в ванную и по пути наткнулась на Brentа. И тогда он впервые обратил на нее внимание. Он был просто в восторге от длинноволосой девушки с большими карими глазами и юным, но уже таким сексапильным телом. Прямо в коридоре Brent нежно поцеловал Кристу и робко потрогал ее грудь. Потом они взялись за руки и пошли к нему в комнату.

После получаса обычных разговоров, какие ведут при первом знакомстве, и ощупывания друг друга через одежду Brentу захотелось продолжить отношения с Кристой. Но сама Криста не торопилась, поскольку в тот момент еще была девственницей. Brent принялся напористо и экстравагантно завоевывать ее, делая ей подарки и приглашая на романтические свидания. Наконец он подарил ей швейцарские часы фирмы «Бом и Мерсье» в корпусе из нержавеющей стали – родительский подарок на его восемнадцатилетие.

Кристе очень нравились эти часы, и она знала, как Brent ими дорожит. По правде говоря, часы она хотела даже сильнее, чем Brentа.

Brent надел подарок ей на руку. Криста разглядывала их. Сталь корпуса приятно холодила кожу, а браслет легко двигался вверх и вниз по ее узкому запястью. Часы были символом, доказательством того, как сильно он хочет Кристу, если ради нее готов расстаться с одной из самых дорогих его сердцу вещей.

После этого подарка Криста почувствовала себя желанной. А еще она ощутила свою силу.

– Ты такая красивая, – шептал ей Brent. – Я не сделаю тебе больно. Боже, как я тебя хочу. Обещаю, тебе со мной будет хорошо.

Криста улыбнулась и позволила Brentу уложить себя на его узкую кровать, словно девственницу народа инков, приносимую в жертву на алтаре. Она отдала ему свою девственность в обмен на часы стоимостью в три тысячи долларов.

Brent сдержал слово. Он был нежен с Кристой. Он не торопился. Он целовал ее, осторожно познавая ее рот. Он долго ласкал ее груди. Он массировал ее тело своими пальцами и постоянно проверял ее готовность. Входил он в нее с чрезвычайной осторожностью. Крови не было. Крупные руки Brentа массировали ей бедра, а его тихий голос подсказывал, как надо расслабиться, чтобы неприятные ощущения ушли.

Brent не обманул ее: Кристе действительно было с ним хорошо. Она чувствовала себя красивой и особенной. А когда их первый сексуальный контакт закончился, Brent всю ночь

держал Кристу в своих объятиях. Он жаждал плотских наслаждений, но его душа не была целиком порочной.

В течение трех лет они часто занимались сексом, хотя у Кристи были и другие романтические увлечения. Прежде чем войти в нее, Brent обязательно вкладывал ей в руку какой-нибудь подарок.

Потом Brentа сменил мистер Вулворт – преподаватель математики. К этому времени Криста уже училась в одиннадцатом классе. Общение с Brentом позволило ей многое узнать о мужчинах. Она научилась угадывать их желания и потребности, научилась мучить и провоцировать их, дразнить и обманывать.

Криста безжалостно соблазняла мистера Вулворта, пока тот не выдержал и не стал умолять ее после уроков встретиться с ним в отеле. Кристе нравилось, когда мужчины ее умоляли. В заурядном гостиничном номере преподаватель математики удивил свою ученицу, преподнеся ей ожерелье от Тиффани. Он сам надел изящное украшение ей на шею, а потом нежно целовал ее тело. За это Криста разрешила ему в течение нескольких часов познавать ее тело, пока он, измученный и довольный, не заснул.

По части привлекательности мистер Вулворт уступал Brentу, зато он был куда опытнее молодого парня. За каждый подарок она позволяла ему уже знакомые и новые ласки. К тому времени, когда их отношения закончились и Криста переехала в Квебек, где поступила в Бишопский университет, у нее собралась внушительная коллекция драгоценностей, а сама она приобрела обширные знания тонкостей сексуальных отношений. Более того, Криста стала одной из немногих женщин, считавших амплуа соблазнительницы и «пожирательницы» мужчин достойным ремеслом, в котором можно и нужно совершенствоваться.

Когда Криста защитила во Флорентийском университете свою магистерскую диссертацию по эпохе Возрождения, ее стереотип отношений с мужчинами окончательно оформился. Она предпочитала мужчин старше себя, мужчин, обладающих властью. Ее манили запретные отношения, и чем более изощренными они были, чем сильнее отличались от традиционных, тем больше ей нравились.

Два года подряд она старалась соблазнить священника, служившего во Флорентийском соборе, и буквально накануне выпуска добилась желанной цели. Их грех совершался в его тесной квартирке на узкой кровати. Прежде чем коснуться тела Кристи, священник вложил в ее длинные теплые пальцы маленькую иконку, написанную Джотто. Эта вещь была бесценной. Криста пришла к выводу, что и она сама такое же сокровище, не имеющее цены. Правда, это не мешало ей отдаваться мужчинам. Разумеется, за хорошую плату. Мужчины, которых она хотела, рано или поздно обязательно оказывались с нею в постели.

Так было до тех пор, пока на первом курсе своей докторантуры в Торонтском университете ей не встретился профессор Габриель О. Эмерсон. Он был гораздо привлекательнее и чувственнее всех ее прежних мужчин. Вид у него был очень сексуальный. Каждая клеточка его тела излучала желание. Горячее, неистовое. Криста нюхом чуяла это.

Она наблюдала за Габриелем в его любимом баре. Изучала его тайные повадки соблазнителя и то, как на него реагируют женщины. Криста изучала профессора Эмерсона так же, как итальянский язык, и сразу же стремилась применить свои знания на практике.

Но Габриель относился к ней с пренебрежением. Не обращал внимания на ее тело. Он холодно смотрел ей в глаза, словно она вообще не была женщиной.

Она начала одеваться все более вызывающе. Профессор Эмерсон упорно не смотрел ниже ее шеи.

Она попробовала быть с ним любезной и даже прибегла к самоуничижению. У него это вызывало лишь раздражение.

Она пекла ему печенье, которое складывала в пакеты и тайком засовывала в его факультетский почтовый ящик. Ее лакомства неделями лежали там нетронутыми, пока миссис Джен-

кинс – референт факультета – не выбрасывала их в мусорное ведро, опасаясь, как бы в них не завелись черви.

Чем больше профессор Эмерсон отвергал Кристу, тем сильнее она его хотела. Чем неукротимее становилось желание уложить его в постель, тем меньше она думала о подарках за свой труд. Она была готова отдаться ему бесплатно, за один его взгляд, полный желания.

Но таких взглядов он на нее не бросал.

И потому осенью 2009 года, когда у Кристи появилась возможность встретиться с ним в кофейне «Старбакс» и обсудить ее диссертацию, ей не терпелось проверить, не продолжится ли их встреча за обедом в ресторане. Идеальным продолжением был бы совместный поход в «Лобби». Криста решила вести себя в высшей степени пристойно, но пустить в ход все свои чары соблазнительницы.

Готовясь к встрече, она потратила шестьсот долларов на черную комбинацию «Борделл», подвязки и черные шелковые чулки. Криста терпеть не могла лифчик и трусики одинакового фасона и из одинаковой ткани. Всякий раз, когда она надевала подвязки, у нее внутри вспыхивал огонь. Она представляла, какие чувства испытает, когда профессор Эмерсон примется снимать с нее подвязки. Предпочтительно зубами.

Но, к несчастью для Кристи, в это же время в «Старбакс» угроздило закатиться Джулии и Полу. Она сразу поняла: сокурсники будут за ней следить и сразу заметят любой промах в ее поведении. А профессор в их присутствии поведет себя еще более официально.

Угроза ее планам сильно рассердила Кристу, и она почти сразу затеяла словесную перепалку с Полом и Джулией. Ей хотелось сказать им что-нибудь обидное, чтобы они убрались из кофейни раньше, чем там появится профессор. Добиваясь этого, она не жалела сил. Однако намерение выгнать сокурсников вдруг обернулось против нее. Профессор Эмерсон пришел раньше намеченного времени и подслушал ее разговор.

– Мисс Петерсон, идемте туда.

Габриель указал на свободный столик, находящийся очень далеко от Пола и Джулии. Кристе не оставалось иного, как последовать за ним.

– Профессор Эмерсон, я взяла для вас «венти латте» со снятым молоком.

Криста попыталась вручить ему пластиковый стакан, но Габриель отмахнулся:

– Только дикари пьют кофе с молоком после завтрака. Разве вы никогда не бывали в Италии? И да будет вам известно, мисс Петерсон, что снятое молоко потребляют лишь идиоты. Или толстые девицы.

Резко повернувшись, Габриель направился к стойке заказывать кофе по собственному вкусу. Криста тем временем усиленно старалась упрятать подальше вспыхнувшую злость.

«Будь ты проклята, Джулианна. Это все ты виновата. Ты и этот «монах».

Криста уселась на стул, указанный ей профессором Эмерсоном. Она была почти раздавлена. Почти, ибо с места, где сидела, ей открывался потрясающий вид на профессорский зад, обтянутый серыми фланелевыми брюками. Его ягодичы были круглыми, словно два яблока. Два спелых, вкусных яблока.

Кристе захотелось откусить от них.

Наконец профессор вернулся за столик со своим чертовым кофе. Он сел как можно дальше от Кристи, хорошо, что не за другой столик, и взгляд у него был суровый.

– Мне необходимо поговорить с вами о вашем поведении. Но прежде чем я это сделаю, хочу, чтобы вы уяснили следующее: сегодня я согласился встретиться с вами здесь лишь потому, что мне самому захотелось выпить кофе. Дальнейшие наши встречи будут происходить только в стенах факультета, как это и принято. Ваши неприкрытые попытки перевести наши отношения на неформальный уровень не увенчаются успехом. Вам это понятно?

– Да, сэр.

– Одно мое слово – и вам придется искать нового руководителя для своей диссертации. – Габриель откашлялся. – В будущем извольте называть меня «профессор Эмерсон», даже когда говорите обо мне в третьем лице. Это ясно?

– Да, профессор Эмерсон.

«О-о-ох, профессор. Ты не представляешь, как мне хочется выкрикивать твое имя. Профессор. Профессор. Профессор...»

– Кроме того, вы будете воздерживаться от высказывания ваших личных суждений о других моих аспирантах. В особенности о мисс Митчелл. Это понятно?

– Понятно.

Внутри Кристы начинал закипать гнев, но внешне это никак не проявлялось. Конечно же, во всем была виновата Джулия. Ей хотелось выкинуть Джулию из числа профессорских аспирантов, но она не знала, как это сделать. Пока не знала.

– И наконец, все, что вы услышите от меня о другом аспиранте или человеке, связанном с университетом, будет считаться конфиденциальной информацией, не подлежащей разглашению, иначе вам придется искать себе другого руководителя. Как вы думаете, вам хватит ума, чтобы подчиняться этим простейшим правилам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.